

Юлия Началова. Письма отца к дочери

Автор:

Антонина Владимирова

Юлия Началова. Письма отца к дочери

Антонина Васильевна Владимирова

Виктор Васильевич Началов

Современная биография

Юлия Началова – удивительная певица, с необыкновенным тембром голоса, запоминающейся манерой исполнения. И если мгновения ее короткой жизни нельзя вернуть, то их можно остановить, что и попытались сделать авторы этой книги. Она написана так, как пишут музыку, сочиняют балладу. Это письма-размышления отца певицы – поэта и композитора, в которых он вспоминает ее детство, школьные годы, занятия музыкой и пением, первые победы на детских конкурсах, рассказывает о становлении ее карьеры, яркой творческой жизни, о работе с коллегами по шоу-бизнесу Л. Долиной, И. Понаровской, У. Афанасьевым, Н. Басковым и другими. Это и несколько писем дочери Веры, в которых она разговаривает с мамой, делится с ней событиями своей жизни. В книгу включены тексты Юлиных песен, которые написала она сама, а также создали ее любимая тетя Антонина Владимирова и отец Виктор Началов. Многие из них давно стали хитами, которые продолжают звучать по радио и телевидению.

Антонина Васильевна Владимирова, Виктор Васильевич Началов

Юлия Началова. Письма отца к дочери

© Владимирова А.В., 2020

© Началов В.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

От авторов

Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как звучат слова? Медленно произнося их, прислушивались к разговору гласных и согласных, чувствовали, какое настроение рождает звуки?

В слове ВЕСНА гласные протяжные, светлые, необъятные. Радостные. И необыкновенные согласные: веселые, свистящие, вершинные. Произносишь слово – и в воображении возникает яркая живая картина: земля, небо – вся природа просыпается, чтобы распахнуть глаза навстречу солнцу. И люди – часть этой природы – тоже просыпаются от зимнего сна, сбрасывают ставшие ненужными одежды, а вместе с ними все свои заботы и неприятности и... тоже тянутся к солнечному свету. К любви. Потому что солнце и любовь связаны между собой теплом и светом. Весна – это очищение, возрождение. Это – жизнь.

По-иному звучит слово СМЕРТЬ.

Дрожащий от страха неизвестности свистящий звук пронизывает ум и сердце беспощадным клинком, разрезающим жизнь на две половины – до и после. Сонорный пытается поднять вас на вершину, подальше от земного горя, но это восхождение обрывается таинственными дрожащими звуками... Загипнотизированные, вы застыли в недоумении. Что это?

Таинство? Какое? Таинство разделения души и тела? Вы не раз читали, что после смерти тело передается земле, а душа, пройдя через испытания, определяется Богом в подобающее ей место.

Понять, что лежит за чертой реального мира, мы пытаемся с детства. Помните, как в небольшом рассказе-этюде И.А. Бунина «Часовня» дети, резвящиеся среди буйной природы под ярким солнцем, заглядывают в окна часовни, где похоронены незнакомые им дяди и тети? Маленькие люди хотят понять, почему

у них тут «солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки», почему они могут играть, бегать, а те, в часовне, всегда лежат в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; «дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...» Молодые же не могут умирать! Но у детей, играющих около часовни, ответ на вопрос, почему так бывает, простой: «...когда очень влюблен, всегда стреляют в себя». Детская простота объяснения любого предмета или явления предельно мудра. Нам бы так...

Невозможно даже предположить, что судьба неожиданно, в один миг свяжет воедино два слова – ВЕЧНА и СМЕРТЬ. Ум противится этому сочетанию: слова не только не совместимы по своему значению – они в полной мере противоречат друг другу. Антонимы. В контексте любой жизни.

Что делать? Как забыться? Как жить дальше? Эти вопросы сверлят мозг. И нет на них ответа.

Но ответ надо искать... Решение должно прийти. Рано или поздно. Решение – как, каким способом оживить мертвую душу. Не на небе – на земле.

Лермонтовский Печорин, например, когда умерла часть его души, искал приключений, чтобы оживить эту часть, но от его действий страдали другие, и это мучило героя своего времени еще больше.

Не поможет.

Многочисленные философы советуют «будить от сна свое сердце». Каким образом? Тревожить, мучить себя.

Не подходит: душевные мучения и так безграничны.

Я лично знаю многих, кто после страшной потери взялся за кисть или перо, чтобы в стихах или в прозе, в музыке или в картинах передать свою драму, облегчить страдания и, может быть, вернуть привычное общение с человеком, который уже никогда не придет из небытия.

«Жизнь мертвых... продолжается в памяти живых», – великий философ Цицерон еще до нашей эры гениально сформулировал вечную проблему, будучи

уверенным, что «речь должна вытекать и развиваться из знания предмета». Именно так.

Понимаю, как опасно общение живых с мертвыми, поэтому сразу предлагаю другое направление пера или кисти: попробуем создать образ любимого человека, покинувшего этот мир. Светлый, чистый, как родник, милый образ. Образ-память. А память, как известно, не умирает.

Последуем совету мудрого в своей простоте Юрия Визбора:

Что ж, не будем плакать непрестанно,

Мертвые нам это не простят.

Не будем. Попытаемся исполнить свою миссию – миссию живых по отношению к мертвым, заключающуюся в том, чтобы сохранить память о них в этом мире. Добрую память, потому что они были лучшими.

Поможет? Хоть немного ослабить петлю давящего горя?

Уверены, что поможет.

Поэтому и беремся за перо, чтобы появилась эта книга – письма отца к безвременно ушедшей дочери.

Глава 1

Музыка – это стенография чувств.

Лев Толстой

Отец

Теплый март бьет мне в лицо ледяной струей, я ощущаю ее везде: на улице под весенним ласковым солнцем, в доме, где так уютно и тепло...

В мою душу проник холод и по-хозяйски поселился в ней.

Тебя нет с нами.

Я сплю? Или бодрствую? Не знаю. Во сне и наяву я постоянно слышу музыку, днем и ночью, стоя, сидя, лежа... Я слышу ее без единого звука в пространстве – она звучит погребальным звоном колоколов в моей душе. Целый оркестр играет что-то до боли знакомое. Медленно... Торжественно... И очень-очень громко.

– Опасность! Опасность! – сигналият пронзительные трубы, напоминая о жизни, которая внезапно оборвалась на высокой ноте.

Тебя нет с нами.

– Сложно! Сложно! – безуспешно пытается приглушить боль своим бархатным голосом сочувствующая валторна.

Тебя нет с нами.

– Бом! Бом! Бом! – барабан выбивает свой ритм, колотя по моей душе, как по костям одеревеневшего мамонта.

Я сжимаюсь, ожидая убийственно низкого звучания контрабаса, который, как мне кажется, спешит бездушно ущипнуть мое больное сердце. Как ни странно, его глубокий и низкий голос успокаивает. Я понимаю, что еще способен мыслить, причем мыслить здраво. Кроме того, он напоминает мне бас-гитару – инструмент, более близкий и щадящий мои нервы, потому что вся моя сознательная жизнь музыканта связана с гитарой. Спокойный ритм контрабаса приглушает мои фантазии. Я пытаюсь забыться...

Сквозь ледяной поток звуков с трудом прорывается изысканная и утонченная скрипка. Раньше она казалась мне такой нежной и чувственной, но сейчас я слышу ее мрачный, несдержанный и даже грубый голос. Голос скрипки похож на человеческий, но на этот раз она не поет – она как будто хочет зарыдать.

А скрипка плакала и пела

О жизни, смерти и любви...

Хочет заплакать, зарыдать – и не может.

И я хочу заплакать – и не могу.

Тебя нет с нами.

Вздрагнув, просыпаюсь от оглушительной тишины, и мне становится еще хуже, и я молю Бога, чтобы поскорее опять зазвучала в моей душе эта знакомо-незнакомая музыка.

Только бы мне не сойти с ума...

Холод на сердце моем и тьма...

Холод и тьма.

Тебя нет с нами.

Я тихо поднимаюсь с постели, чтобы не разбудить Таю, и иду на кухню. Сердце подсказывает, что я должен что-то сделать, чем-то занять себя. Должен хоть на время выбраться из цепкой паутины своих переживаний. Но я не знаю, как это сделать. И до утра сижу за столом, обхватив голову руками, и слушаю...
Слушаю... Что я, музыкант, хочу услышать? Что я слышу?

Тебя нет с нами.

К утру, измученный бессонницей, я забываюсь, впадая в состояние, осмыслить которое не в силах. Мне кажется, что я чувствую и понимаю то, что раньше не чувствовал и чего не понимал. Но если бы меня сейчас попросили описать это психологическое состояние, я бы, наверное, не смог: не хватает слов. Да и мысли разлетаются в разные стороны, как испуганные выстрелом птицы, с криком поднимающиеся в небо.

Тебя нет с нами.

Я поднимаю голову, но вместо высокого просторного неба вижу белый каменный потолок, давящий своей тяжестью.

Тебя нет с нами...

Дочь

Холодно... Мне холодно не от мороза, а от нервов. В провинциальный город прошлого столетия медленно крадется январская ночь, поэтому никого не пускают внутрь областной больницы. Но отойти от ее светящихся окон не могу. Жду. Жду рождения мальчика. Сына. Холодно. И скользящие тени за окнами. Бесконечные тени. В этом здании нет дня и ночи: новая жизнь может постучаться в двери в любое время, и врачи готовы принять эту жизнь, разрешить ей заявить о себе громким криком, а потом дать маленькому комочку успокоиться у груди измученной родами матери.

Промерзнув до костей, дрожа не столько от холода, сколько от волнения, пытаюсь зайти в приемную. Дежурная медсестра сочувственно смотрит на меня. Прошу только об одном – разрешить погреться. Но затем, осмелев, робко пытаюсь узнать, что там, в десятой палате родильного отделения. Родился уже мой сын? Пора. Сестра, молоденькая женщина, почти ровесница, видя мое взволнованное лицо, решает смилостивиться и отправляет нянечку в родильное отделение. Возвратившись, пожилая женщина с усталыми глазами привычно произносит:

– Дочь.

– Что?!

Старушка в белом халате, с грустными глазами и седыми волосами. Что она такое говорит?

– Дочь.

- Дочь? Но у меня должен быть сын!

- С чего бы это?

- Мы думали... Нам говорили...

- Девочка. Три сто пятьдесят. Мама чувствует себя нормально. Дочь – это такая радость!

Голос нянечки напоминает мне шорох ветра, пытающегося проникнуть в этот священный дом.

- Спасибо.

Выхожу на улицу. Морозный воздух обжигает лицо, не остывшее от волнения. Не могу собраться с мыслями, понять свои чувства. Девочка... Дочь... Но как же так? Я уже придумал, как буду учить сына играть на гитаре! Учить петь. Дочь... А ведь мы даже не придумали для нее имени. Представляю курносое личико с яркими глазками, маленькую ручку, ножку с крохотными пальчиками... Девочка? Моя дочь? На меня похожая?!

Какой сегодня день? Час?

Тридцать первое января.

Двадцать три часа пять минут.

Тысяча девятьсот восемьдесят первый год.

Дочь. Какое же имя мы дадим ей? Простое, светлое, красивое...

Мы назовем ее... Юлия! Юля!

Мать

Когда я поняла, что беременна, мы с Витей очень обрадовались, потому что в наших семьях было непреложной истиной: ребенок – это великое счастье. Мы начали готовиться к рождению ребенка: купили кроватку, пеленки, распашонки... И все время находились в состоянии радостного ожидания.

Родильный дом номер четыре города Воронежа был переполнен: рожали много. В моей палате было восемь рожениц. Я так мучилась от болей, разрывающих тело, что усердно молила Бога о том, чтобы дитя поскорее появилось на свет. Мы не знали, кто у нас родится – мальчик или девочка. Витя был уверен в том, что будет наследник, а я всем сердцем чувствовала, что девочка.

Бог, видимо, услышал мои молитвы, и почти сразу, как только меня отвели в родильную комнату, на свет появилась девочка. Наша дочь.

В двадцать три часа пять минут.

Тридцать первого января.

Тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

Почти на рубеже дня и ночи.

Тогда я, молодая и неопытная, еще не думала о том, что в жизни этой крошки яркие дневные полосы тоже будут перемежаться с темными ночными.

Вся наша жизнь в полоску.

Так устроен человек.

Так устроен мир.

Обессиленная от родов, я попросила врачей показать дочку. Завернутое в одеяло тельце, овальное крошечное личико с яркими то ли зелеными, то ли синими глазками и курносый носиком вызвало в душе такое трогательное щемящее чувство любви, что слезы покатались по моим щекам. Вместе с девочкой родилась материнская любовь длиною в жизнь. Мне захотелось взять ее на руки, прижать к себе и вместе с одеяльцем, в которое закутали новорожденную, оградить от всех тревог и печалей земной жизни.

Сколько раз, когда Юля была уже взрослой и в ее жизни случались всякие передряги, я вспоминала этот момент и старалась прижать дочь к своему сердцу, чтобы защитить, вернуть радость и сияние в ее глаза.

Но что делать, если твой ребенок умер? Как жить? Как сказать несказанные слова:

- Ты знаешь, Юля, я ведь до сих пор храню это одеяльце, светло-зеленое – как твои глаза; в полоску – как вся твоя короткая жизнь; теплое – как мое сердце.

Когда родилась Вера, я попросила врачей, чтобы они разрешили мне побыть с Юлей в больничных апартаментах, помочь ей, поддержать. Я знала по своему опыту, как в такие минуты нужна помощь.

Первое, о чем я подумала, увидев внучку, – это о том, что она очень похожа на мою маму – Веру Васильевну Мацко, женщину редкой красоты и доброты. К слову сказать, Юля назвала Веру в честь нее. Находясь рядом с дочерью, познавшей радость материнства, я учила ее пеленать, помогала кормить ребенка, слушала и запоминала советы гениального врача Марка Аркадьевича Курцера, профессора, известного в своей области далеко за пределами России акушера-гинеколога. Уже одно то, что я рядом, давало Юле моральную поддержку. А я как будто заново переживала рождение дочери: постоянно вспоминала, как молодая мама сама появилась на свет, как я училась жить, чувствуя необыкновенную привязанность к любимому ребенку и огромную ответственность за него.

Когда я рожала, под окнами больницы находился только один человек – мой муж Виктор. Несмотря на то что он ожидал мальчика, появление на свет дочери так обрадовало его, что он сразу придумал ей имя – Юля. А чуть позже родилась песня, посвященная нашей крошке. И слова, и музыку написал отец, ласковый и

нежный, переполненный любовью и грядущими надеждами:

Спят уже лисицы, зайчики и мышка,

Звездочки и месяц светят все сильнее,

Засыпай скорее, спи, моя малышка,

Завтра утром станешь ты на день взрослей.

Воронежская бабушка, тетя Антонина – все принимали новорожденную на руки, когда нас с ней выписали из больницы. И не могли налюбоваться на свою доченьку, внученьку и племянницу, сияя от переполнявших наши души эмоций.

– Распроединое дитя! – восхищалась бабушка Аня. – Красоты невиданной!

– Такие талантливые родители могут произвести на свет только талантливых детей, – серьезно предсказывала будущее девочки тетя Антонина, вынимая ее из маленькой ванночки, в которой они учили меня купать младенца.

Мы с Витей слушали родных и все время боялись, что с Юлей случится что-нибудь нехорошее. Ночами я прислушивалась к ее дыханию, вставала посмотреть, не холодно ли ей в кроватке, не тесно ли в коляске.

Это чувство заботы и опасности до сих пор живет во мне.

Но вместе с тем я все время была в каком-то фантастически радостном настроении, чувствовала, что в моей жизни произошло что-то невероятное. Прекрасное. Что? У меня же родилась дочь!

Что бывает в нашей жизни лучше?

Примерно то же самое ощущение испытывал новоявленный папа.

В маленькой уютной комнатке студенческого общежития Лесотехнического института города Воронежа поселилось счастье.

Сама комнатка размером была раз в десять меньше тех апартаментов, в которых Юля находилась после родов с Верой и где часто присутствовала я.

Когда Юля спала, уставшая от родов, врачи вынесли Веру показать ее папе – Евгению Алдонину, который, отложив полет в Испанию с футбольной командой, ждал появления на свет своей принцессы, волнуясь и переживая за жену и дочь. В тот день каждая секунда непростых родов отзывалась громким боем в наших сердцах. Все мы: я, Витя, Женя, его мама и Юлина свекровь Лена – замерли в тревоге и ожидании чуда. И дождались.

– Ля-ля-ля, – так необычно зазвучал в тишине больничных апартаментов детский плач.

– Это наша! – вздрогнув, сказали мы глазами друг другу. Первые секунды от волнения никто не мог вымолвить ни слова.

Подойдя к блоку, где лежали новорожденные дети, мы с Женей через стекло увидели так необычно плачущую девочку и поняли: это она – Вера!

– Тоже будет петь, – предсказал теперь уже ставший дедушкой Витя.

Первое декабря.

Четырнадцать часов тридцать пять минут.

Две тысячи шестой год.

Еще одна знаменательная дата в жизни нашей семьи.

Порванные струны

В последнее время я – отец, потерявший любимую дочь, – живу в каком-то ирреальном мире, как будто у меня не одна, а две жизни: в одной я хожу, ем, сплю, отвечаю на звонки, о чем-то разговариваю с окружающими; во второй мы вместе, ты рядом – живая, веселая, взрывная. Такая, какой была всегда. Я слышу, как ты поешь, ведь ты всегда и везде пела: на сцене, в ванной комнате, за столом – всегда и везде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vladimirova_antonina/yuliya-nachalova-pis-ma-otca-k-docheri

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)